хождения связаны с эмоциональной плотностью транслируемого оттенка образной составляющей.

Список литературы

1. Волкова П.С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А. Холминова, Р. Щедрина): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
2. Шаховский В.И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала // Хрестоматия по переводоведению / сост. Л.И. Сидорова, В.И. Тхорик. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2001. С. 130–144.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
4. Schiller F. Kabale und Liebe. Schillers Werke in fünf Bänden. Zweiter Band. Volkverlag Weimar, 1959. S. 279–395.

* * *

1. Volkova P.S. Jemotivnost' kak sredstvo interpretacii smysla hudozhestvennogo teksta (na materiale prozy N. Gogolja i muzyki Ju. Bucko, A. Holminova, R. Shhedrina): dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 1997.
2. Shahovskij V.I. K probleme transljacii konnotativnyh komponentov perevodimoj edinicy soderzhanija teksta originala // Hrestomatija po perevodovedeniju / sost. L.I. Sidorova, V.I. Thorik. Krasnodar: Kub. gos. un-t, 2001. S. 130–144.
3. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij: monografija. M.: Gnozis, 2008.

Adaptation of cultural meanings of emotional concepts in the process of artistic translation

There is considered the issue of adaptation of cultural and emotional meanings in the original and translated variant of a classical novel. There are suggested the ways of transformation of emotive and semantic language means that make the emotional concepts objective. The suggested routes allow finding out the signs of the concepts for adequate interpretation in the original language and for translation.

Key words: *emotional concept, categorial emotional situation, emotiveness, cultural and emotional meanings, artistic communication.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Е.В. КРАСНОЩЁКОВ
(Таганрог)

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Представлен анализ двойного склонения языков разных систем. Некоторые падежи простого склонения принимают дополнительно аффиксы других падежей, и словоформа существительного получает два падежных окончания. Подобная картина наблюдается в монгольских языках, енисейских языках Сибири, а также языках чукотско-камчатской группы. Исследование показало, что такие двойные падежи использовались в них для выражения притяжательных отношений.

Ключевые слова: *категория притяжательности, двойные падежи, двойное склонение, родительный падеж, отношения притяжания.*

В монголоведении традиционно сложилось понятие о так называемом двойном склонении, когда словоформа имени существительного получает сразу два падежных окончания, присоединяемых последовательно один к другому. В данном случае аффиксы других падежей принимают дополнительно некоторые падежи простого склонения, становясь, таким образом, новыми основами с несколько иным оттенком значения. Подобная картина наблюдается во всех монгольских языках.

Однако имена в двойном склонении изменяются не по всем падежам. В качестве основы для двойного склонения в монгольских языках могут выступать падежи родительный и совместный. Например: монг. *ах + ын + + д* – на квартире, дома, в семье брата (род. + + дат.-мест. падеж), *ах + ын + аас* – из квартиры, дома, семьи брата (род. + исх. падеж); калм. *hah* ‘тетка’+*ан* ‘теткины’(род. пад.); +*аг hahанаг* ‘теткиных’ (род. + вин. падеж); *Балдн* имя – + *а* + *h/ас Балднahас* (род. + исх. падеж) (соединительный *h* появляется перед суффиксами орудного, исходного, направительного падежей у слов с конечным -*н*) [14, с. 73; 11, с. 112].

В дунсянском языке, в отличие от остальных монгольских языков, вторичная основа, от которой образуются двойные падежные формы, может состоять из существительного в родительном падеже и суффикса -*ҕун*. При

© Краснощёков Е.В., 2015

этом суффикс родительного падежа *-ні* меняет конечный *і* на гласный *у,* образуя суффикс *-нуҕун: аба* 'отец' – *абануҕун* 'принадлежащий отцу'.

От вторичной основы образуются следующие падежи двойного склонения:

Падеж	Форма	Перевод
Именительный	*гага, Абуду, аба*	'старший брат', (собств. имя) 'отец'
Родительный	*гагані, Абудуні, – абані*	'старшего брата', Абуду, 'отца'
Дательно-местн.	*гаганиҕун (гаганиҕундэ),*	старшему брату ('принадлежащим старшему брату'), 'принадлежащий Абуду'
Винительный	*гагані, Абудуні, Абудунуҕун (Абудунуҕунні)*	'принадлежащего Абуду', 'принадлежащий отцу'
Исходный	*абануҕун, абануҕунсэ*	'принадлежащий отцу', 'от принадлежащего отцу'
Орудный	*кыванну ҕун, кыванну ҕунҕала*	'принадлежащий мальчику', 'принадлежащим мальчику'
Соединительный	*очіннуҕун, очіннуҕунлэ*	'принадлежащий девушке', 'принадлежащим девушке'

Вторичной основой может служить существительное и в **дательно-местном падеже;** в этом случае от нее непосредственно образуется только дательно-местно-исходный падеж: *гіэ* 'дом'— *гіэдэсэ (кідэсэ)* 'из дома'.

Когда же к основе в дательно-местном падеже присоединяются суффиксы остальных падежей, то между суффиксом дательно-местного падежа и присоединяемым к нему суффиксом другого падежа вставляется суффикс ***-ду,*** например: *гіэ* '*дом*' – *гіэдэ* 'в *доме*' – *гіэдэ**ду*** 'находящийся в доме' – *гіэдэ**ду**сэ* 'от находящегося в *доме*' – *гіэдэ**ду**лэ* 'с находящимся в доме' – *ггэдэ**ду**ҕала* 'находящимся в доме' и т.д. [15, с. 22].

Словоформа (при двойном склонении), где основой склоняемого имени является имя в родительном падеже, имеет значение местопребывания (дом, квартира) или указывает на их обитателей. Например:

Би Жаргалынд очлоо. – Я пошел к Жаргалам (в дом Жаргала).

Чи тэр номыг эн гурван дэвтэртэйгээр багшийнд аваачиж өгөөрэй. – Ты ту книгу с этими тремя тетрадями отнеси к учителю (в дом учителя) [14, с. 73].

Манай ахынд олон хун ирцгээв. – К нашему брату (к нему домой, на квартиру) пришло много людей.

Из всех монгольских языков парадигма двойного склонения наиболее полно представлена в калмыцком и ойратском языках [Там же].

Примеры:

Падеж	Форма	Перевод
Имен.	*ах*	брат
Родит.	*ахин*	брата
Род.-дат.-мест.	*ахинд*	у брата
Род.-вин.	*ахина?*	у брата
Рд.-оруд.	*ахинар*	братом
Род.-соед.	*ахинла*	с братом
Род.-совм.	*ахинта*	с братом
Род.-исх.	*ахинас*	от брата
Род.-напр.	*ахинур*	к брату

Однако не всякое имя в родительном падеже может быть основой, к которой присоединялись бы аффиксы других падежей, и не от всех имен возможно образование [форм] двойного склонения [14, с. 73].

К именам, которые изменяются по двойному склонению, относятся:

а) собственные имена:

Жав – собственное имя, *Жавынд* – в юрте Жава,

Жавынаас – из юрты Жава;

Уламбаяр – собственное имя, *Уламбаярынд* – в юрте Уламбаяра,

Уламбаярынаас – из юрты Уламбаяра;

б) имена, указывающие на родственные отношения:

ах – старший брат, *ахынд* – у старшего брата,

ахынаас – от старшего брата;

авга – дядя, *авгыныг* – семью дяди,

авгынтай – с семьей дяди;

эх – мать, *эхийнд* – у матери,

эхинээс – от матери;

в) имена, указывающие на профессию:

эмч – врач, *эмчийнд* – у врача,

эмчгийныг – семью врача;

багш – учитель, *багшийнд* – у учителя,

багшийнаас – от учителя [Там же, с. 74].

Как видим, по двойному склонению изменяются активные имена.

Другой падеж, который может быть основой склоняемого имени в монгольских языках, – совместный. В роли основы двойного склонения он обозначает или какое-то лицо,

предмет, который имеет кого-то или что-то, или образ совершения действия. Например:

Дательно-местный	*морьтой + д*	тому, у которого имеется лошадь
Винительный	*морьтой + г*	того, у которого имеется лошадь
Орудный	*а м ж и л т а т а й +гаар баяртай + гаар*	успешно радостно

Здесь так же, как и при родительном падеже основы, к основе склоняемого имени (в данном случае *моръ)* присоединен аффикс совместного падежа *-той (морьтой),* затем аффикс одного из указанных выше падежей [14, с. 74]. И в этом случае по двойному склонению изменяются (активные) одушевленные существительные.

Двойные аффиксы падежей встречаются и с личными местоимениями. Например: *Би буцахдаа танайд зориуд нэг хононо, тэхдээ л хоёулаа нэг сайн ярья*. – Я на обратном пути переночую у вас (в доме), тогда хорошенько вдвоем поговорим [Там же].

Такое явление, когда словоформа содержит два падежных показателя, свойственно не только языкам монгольской группы. Подобную картину мы наблюдаем и в других языках, например в енисейских языках Сибири. В кетском языке такие падежи, как дательный, местно-личный, исходный и назначительный также основаны на форме другого падежа – родительного, который, в свою очередь, основан на форме основного падежа [8, с. 236].

Можно предположить, что показатели этих падежей сложились на основе показателей родительного падежа с энклитически примкнувшими локальными уточнителями, а именно: в звательном падеже – *~дана, ~дина < -да + ина, -ди +ина* (ср. югск. *оби:бъ:с'е* ‘меня нет’, *уки:н бъ:с'е* ‘тебя нет’, *даи:н бъ:с'е* ‘его нет’, *ди:н, бъ;с'е* ‘ее нет’ и т.д., где вычленяется компонент *-и-н'< -и:на,* который в сочетании с показателем родительного падежа как раз и образует показатель дательного падежа); в назначительном падеже *-датз, -дитэ < -да + та, -ди + та;* в местно-личном падеже *-дантэ, -динтэ < -да + ин + та, -ди + ин + та;* в исходном падеже *-данал', -динал' < -да + ин +Ал', -ди + ин, + Ал'* (ср. югск. *-данъ:р, динъ:р < -да + ин + Ар, -ди + ин, + Ар)* [4, с. 15–16].

Соединение в одной словоформе двух или нескольких показателей разных падежей отмечается и в чукотском языке – личные местоимения в формах ряда косвенных падежей «имеют перед падежным показателем суффикс *-к,* идентичный показателю местного падежа *(мур-ы-к* ‘у нас’)». Ср. *мури* ‘мы’, *мор-ыкайпы (мор-ы-к-а-йпы)* ‘от нас’, *мор-ыкагты (мор-ы-к-а-гты)* ‘к нам’, *мор-ыкы (мор-ы-к-ы)* ‘у нас’ и т.п. Но в этих последних случаях, как отмечает П.И. Инэнликэй, суффикс *-к* «перестает быть падежным показателем» и обозначает «общее местоположение», подобно суффиксу *-чыку-/-чико-* ‘внутри чего-л.’, *-гиӈ-/ -гэӈ-* ‘под’, *-ткын-* ‘поверхность’, ‘верхушка’ и т.д., к которым могут присоединяться соответствующие действительно падежные суффиксы [13, с. 59, 144].

В другом чукотско-камчатском языке – корякском – автор систематической грамматики этого языка А.П. Жукова, в отличие от своих предшественников в области описания морфологической структуры склонения и системы падежных форм, выделяет не только формант дательного падежа как основу для образования вторичных пространственных падежей (направительного, исходного, продольного), но и отделяет от собственно падежных форм особые «суффиксы пространственной ориентации», входящие в основу склоняемого существительного. Суффиксы эти конкретизируют местоположение предмета в пространстве: *-лк-* ‘на поверхности чего-л.’, *-гиӈ/-гэӈ* ‘у подножия чего-л.‘, ‘под чем-л.’ [Там же, с. 145].

Как видим, в качестве основ могут выступать падежи родительный, совместный и дательный. Следует указать, что в монгольских языках, а именно: монгорском, баоаньском, дагурском, дунсянском и языке шира-югуров – формы родительного падежа совпадают с формами винительного; при склонении их можно различить только в контексте: *энэ гāгэнэ малҕэ ва* ‘это шапка старшего брата’ (род. пад.) – *чэ гāгэнэ урэджі рэ* ‘пригласи старшего брата’ (вин. пад.); *морэнэ лохтэ* ‘уздечка коня’ (род. пад.) – *морэнэ абджі рэ* ‘приведи коня’ (вин. пад.); *мутоӈнэ лабчоӈ* ‘листья деревьев’ (род. пад.) – *тэ мутоӈнэ нджэ* ‘посмотри на то дерево’ (вин. пад.) [16, с. 26].

Как считает Г.Д. Санжеев, суффиксы родительного и винительного падежей имеют общее происхождение. Эту мысль Г.Д. Санжеев развивает дальше; он говорит об относительно возможной генетической связи винительного падежа с родительным и омертвелым *местным*. Г.Д. Санжеев пишет: «В монгорском языке формы винительного падежа личных местоимений единственного числа 1-го и 2-го лица совпадают с формами дательно-местного па-

дежа (*нда* ‘меня’ и ‘мне’, *чімі* ‘тебя’ и ‘тебе’)» [11, с. 160, 162–163].

Угроведы Д.В. Бубрих, Л. Кеттунен и Б. Мункачи, основываясь на близком родстве суффиксов родительного и местного падежей в финно-угорских языках, также считают возможным генетически отождествить эти два падежа [12, с. 11]. Речь идет в данном случае о показателе *н* (*п*), входящем в состав суффиксов родительного и местного падежей.

В отличие от других исследователей Д.В. Бубрих не просто генетически отождествлял суффикс родительного падежа с местным, а пытался установить его более широкие связи. Касаясь происхождения падежных суффиксов, содержащих элемент *п*, *п’,* Д.В. Бубрих выделяет целую группу так называемых новых образований. Это образования на *~н..., -н'...* (на вопрос *где?*), образования на *-н'э, -нэ* (на вопрос *в какое время?*), образование родительного падежа на *-н*', сопроводительные образования на *-н*', образования на *-н*' (на вопрос *куда?*) [Там же].

По мнению Д.В. Бубриха, все эти суффиксы представляют явления словообразовательного порядка. Позднее в результате адаптации первоначально словообразовательные суффиксы приобрели значения особых падежей. Образования родительного падежа на *-н*' очень близки к образованиям падежного порядка с *н*-овыми показателями [3, с. 52–53].

Как пишет Бубрих, первоначально была не идея принадлежности, а идея местонахождения [Там же, с. 204]: «Что идея связи по месту легко перерастает в идею принадлежности, – заключает Д.В. Бубрих, – об этом свидетельствует бесчисленное количество явлений самых различных языков. Вспомним хотя бы русские *у колодца* и *у отца* и т.п. ... Родительный падеж, например, в мордовских языках употребляется и на вопрос *у кого?* Пример: *Нумолонтъ улънесъ паро кудынезэ* ‘У зайца был хороший домик’ (Из сказки)» [Там же, с. 54].

Относительные прилагательные с суффиксом *-н*ʼ также, по мнению Д.В. Бубриха, связаны генетически с суффиксом родительного падежа *-н*: «Наряду с генитивом существовали и генитиво-подобные имена. Последние употребляются при обозначении материала *(кевенъ куда* ‘каменный дом’), места *(ошнъ кудо* ‘городской дом’) и времени *(тундонъ моро* ‘весенняя песня’). Нет сомнения, что когда-то существовало только генитиво-подобное имя, но не генитив» [Там же, с. 204]. «Но вот созрела идея принадлежности. Генитиво-подобные имена получили новое использование. Они поступили на службу обозначения раньше не мыслившегося отношения между предметами, и на этой службе они выделили из себя новое явление – генитив» [12, с. 12].

В материалах других языков (финно-угорских, енисейских, тюркских, монгольских и др.) мы находим подтверждение, что на определенном этапе развития существовал синкретизм имени: лишь в контексте можно было понять, о существительном идет речь или о прилагательном.

Относительно двойного склонения существуют различные точки зрения. Сторонники статуса двойного склонения Б.Х. Тодаева, М.Н. Орловская, Г.Д. Санжеев на основании того, что двойные падежи зафиксированы почти во всех монгольских грамматиках, выделяют в монгольских языках особое двойное склонение имени.

По мнению Б.Х. Тодаевой, двойное склонение с основой имени в родительном падеже исторически, возможно, объясняется тем, что между первым и вторым аффиксами падежа подразумевалось слово *гэр* – юрта, дом, квартира. *Дамдингийнд* означает не просто у Дамдина, а у Дамдина в его доме, квартире [14, с. 74]. Иными словами, речь идет также о местопребывании у кого-то, т.е. прослеживается связь принадлежности и места (родительного и дательно-местного падежей).

Г.Д. Санжеев считает двойные падежи новыми падежами, которые появились сравнительно недавно [11, с. 179]. Д.Д. Амоголонов по вопросу о двойном падеже в бурятском языке отмечает: «... присоединение двух падежных аффиксов к основе одного и того же слова выполняет двойную роль: 1) словообразовательную и 2) словоизменительную, то есть, с одной стороны, двойные аффиксы придают словам значение конкретизации того, что выражено основой слова, а с другой – последний из присоединенных аффиксов выполняет обычную функцию выражения отношения одного предмета к другим» [1, с. 142].

Т.А. Бертагаев аффиксы двойного падежа считает комбинированными, при этом так говорит об их значении: «Для всех комбинированных падежных аффиксов характерно одно: первый, основополагающий аффикс, а иногда слагаемые в целом имеют несколько поблекшее грамматическое значение, специализированный, суженный смысл, сдвинутый в сторону словообразовательных аффиксов» [2, с. 36].

Мы разделяем точку зрения, что суффикс одного из падежей здесь является словообразовательным и, более того, считаем, что он заключает в себе идею притяжания. Рассмотрим

пример из монгольского языка. Выражение *аха-йин гзр* означает ‘дом брата’, а *aqa-ym-dur, aqa-yin-aca* означает всегда и только ‘в братнином’, ‘из братнина’ в значении ‘дом, который принадлежит старшему брату’ (З.К. Касьяненко). Здесь имеем генитиво-подобное (используя термин Д.В. Бубриха) имя, иначе – имя прилагательное, содержащее в себе притяжательность. Поскольку в монгольских языках нет и не было притяжательных прилагательных и специальных притяжательных местоимений, то эта словоформа с входящим показателем родительного падежа (или другого, выполняющего функцию обладания или принадлежности) замещает недостающие элементы. То же самое наблюдаем и в других языках монгольской группы, и не только монгольской.

Сравните:

Кетский	Монгольский
об ‘отец’ *об+дас* ‘отца’, ‘отцовский’, ‘отцу принадлежащий’, *ам* ‘мать’ *ам+дис* ‘матери’, ‘материнский’, ‘матери принадлежащий’	*аба* ‘отец’ – *аба+нуҕун* ‘принадлежащий отцу’. *ах + ын + д* – на квартире (принадлежащей брату) *Жав* – собственное имя *Жав+ ын+д* – в юрте Жава (принадлежащей Жаву)

Можно предположить, что здесь генитиво-подобные имена находятся на стадии превращения в генитивные формы.

Мы считаем, что поскольку идея притяжательности тесно связана с местоположением, то именно поэтому в качестве вторичной основы используются указанные падежи: родительный, дательно-местный, исходный и совместный, т.к. в любом случае здесь присутствует идея посессивности.

Если обратиться к материалу енисейских языков, то в кетском также находим совпадения функции родительного, исходного и местно-личного падежей [7, с. 73–79]. У неодушевленных имен существительных в кетском языке исходный падеж может обозначать:

а) отношение притяжения – *kida eŋuŋdiŋal deŋ* ‘люди этой деревни’, *ab bişabdiŋal dil həŋaŋdu* ‘ребенок моей сестры маленький’, *tuda sa?qdaŋal hu:t ugdem i 'hutumem* ‘хвост этой белки длинный и пушистый’ и т.д.;

б) партитивные отношения – *ba:m diŋa na?ndiŋal lamt da qobintet* ‘старуха ей от хлеба кусок отрезала’, *i:şdiŋal bu dob da obijaq* ‘она дала своему отцу рыбы’.

Местно-личный падеж выражает также посессивные отношения: *budaŋt bən ob bən am* ‘у него ни отца ни матери’, *abiŋte duot u: şam* ‘у меня шило есть’, *homganaŋt se:n obilden* ‘у тунгусов были олени’, *sa:nnaŋte hai hu: uşaŋ* ‘у белок сердце есть’, *budiŋta balnuuks deta:yuks* ‘у него черемуховый посох’, *ilgetdaŋtan qi:m biseb* ‘у Ильгета одна сестра’.

Нередко родительный падеж в кетском заменяется основным в сочетании с притяжательной формой другого существительного, например: кур. *буре батат, ди?нг kokbaренге‘ä* ‘кожа его лица – грубая (его лицо, кожа его грубая)’ [Там же, с. 76].

В атрибутивном употреблении основной падеж выражает посессивное отношение подобно определяющему слову в немецких сложных существительных, например: сур. *mъ°? hy:m* ‘хвост окуня’ (вообще); ср. нем. *Fischschwanz* ‘рыбий хвост’; кур. *он гден mь° индинга дееститтан* ‘они её положили в семиушный котёл’ (семь + ушки + котёл) [Там же, с. 76].

В связи с тем, что в кетском языке существуют две группы падежей, образованных от разных основ, возникло противопоставление: основной падеж – родительный падеж, которое стало результатом противопоставления «активный – неактивный».

При возникновении оппозиции падежей одна форма осталась немаркированной, т.е. неактивной, в то время как другая форма, активная, получила маркер. Исторически генитив мог восходить к активному падежу протоенисейского. Это предположение опирается на тот факт, что притяжательные местоимения, представляющие собой генитивную форму личных местоимений, и личные глагольные аффиксы группы *B*, которые представляют собой бывший активный ряд аффиксов в глагольной словоформе, исторически совпадают [8, с. 237].

В праиндоевропейском языке на раннем этапе развития его грамматического строя имена также разделялись на два класса: активный и пассивный (инактивный) [10, с. 74]. Падежных форм в праиндоевропейском языке было две: с окончанием **-es* и без окончания. От формы с окончанием **-es″* позже образовались номинатив активного класса и генитив [Там же].

Способность родительного падежа в индоевропейских языках выражать идею обладания, принадлежности восходит к глубокой древности. Само собой разумеется, что в процессе длительного исторического развития Genitivus possessivus, как и родительный падеж в его прочих проявлениях, претерпел зна-

чительные изменения, либо расширяя, либо сужая сферу своего применения в различных языках. При этом именно его исконное значение дает некоторые возможности для сравнения с родительным падежом кетского языка [4, с. 12].

Сравнительно-исторический анализ фактов енисейских языков (особенно ценны в этом отношении факты коттского языка) также подтверждает, что падежная система восходит в этих языках к бинарному противопоставлению основного и родительного падежей, которое возникло на основе оппозиции «активный – инактивный» [8, с. 237].

Таким образом, в падежной системе рассматриваемых языков на одном из этапов развития существовало два падежа; в процессе эволюции один из падежей стал выражать наряду с другими отношениями отношения притяжания, в связи с чем выражение категории притяжательности все более закреплялось за ним. Вот почему форманты этого падежа при отсутствии других показателей притяжательных отношений вначале входили в состав других падежей, выражая тем самым отношения притяжания, т.к. на том этапе развития в грамматической системе языка отсутствовали другие средства. Появившиеся позднее личные местоимения и форма родительного падежа стали вытеснять устаревшие средства выражения посессивности. Процесс этот достаточно длительный и продолжается в настоящее время. Например, немаркированное существительное (существительное в исходном падеже) может выступать в качестве определения к другому существительному в различных языках: в финском языке: *kalaverkko* (kala – рыба) (verkko – сеть) ‘рыболовная сеть’, *kalaluu* ‘рыбья кость’. Первый компонент сложного существительного оформлен в номинативе, например: *finaaliottelu* (букв. *финал – соревнование*) ‘заключительное соревнование’; *hedelmäpuu* ‘плодовое дерево’ (букв. *плод-дерево*); *lomaaika* ‘каникулы’ (букв. *перерыв-время*); *kivihiili* ‘каменный уголь’ (букв. *камень-уголь*).

В саамском языке существует похожая конструкция: имя существительное в основной форме + имя существительное: *pesš murr* ‘береза’ (досл. ‘береста-дерево’), *p’enne torк* ‘собачья шкура’. В прибалтийских языках: вод. *karja ärčiä* ‘стадо быков’; лит. *kabāl rekkō* ‘часть дороги’.

В мордовских языках: мокш. *тума лопа,* эрзян. *тумо лопа* ‘лист дуба’, *тейтеръ пря* ‘голова девушки’ (досл. ‘девушка голова’). Венгр. *vasul* ‘железная дорога’ от *vas* ‘железо’ *-j-ut* ‘дорога’, *tengerpart* ‘морской берег’, *gyermekfej* ‘детская голова’ (досл. ‘ребенок-голова’), энец. *кєʒєр’ эба* ‘голова дикого оленя’, селькуп. *кыт қаныk* ‘берег реки’, нган. *бикā дýо* ‘песок реки’, *банə логя»ся* ‘лай собаки’ и т.д. [9, с. 140–141].

Обращаясь еще раз к примерам, обратим внимание на следующее: в чукотско-камчатских языках двойные падежи конкретизируют местоположение в пространстве; в енисейских показатели этих падежей также имеют примкнувшие локальные уточнители. В монгольских языках двойные падежи обозначают: совместный падеж в роли основы двойного склонения – какое-то лицо или предмет, который имеет кого-то или что-то; родительный падеж имеет значение местопребывания (дом, квартира) или указывает на их обитателей.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что формы двойных падежей использовались и используются для выражения притяжательных отношений у имен активных (лишь вначале), т.к. в этих языках изначально не было притяжательных местоимений (или они представляли собой форму родительного падежа личных местоимений) и притяжательных прилагательных. Грамматическая система языка использовала другие средства для выражения отношений притяжания.

Список литературы

1. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958.

2. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука, 1969.

3. Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.

4. Вернер Г.К. К типологической характеристике родительного падежа // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 12–19.

5. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология // Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 1983.

6. Касьяненко З.К. О двойном склонении в монгольском языке // Филология стран Востока. Л., 1963. С. 35–40.

7. Краснощёков Е.В. Средства выражения принадлежности в кетском языке // Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции. Томск, 2006. С. 73–79.

8. Краснощёков Е.В. Выражение притяжательности в енисейских языках с помощью падежей. Казань, 2011. С. 236–238.

9. Краснощёков Е.В. Выражение притяжательных отношений в финно-угорских языках с помо-

щью порядка слов // Сборник статей Международной научно-практической конференции ТТИ ЮФУ. Таганрог, 2012. С. 140–145.

10. Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 74–90.

11. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.

12. Серебрянников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967.

13. Суник О.П. Существительные в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982.

14. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.

15. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

16. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М.: Наука, 1964.

* * *

1. Amogolonov D.D. Sovremennyj burjatskij jazyk. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1958.

2. Bertagaev T.A. Morfologicheskaja struktura slova v mongol'skih jazykah. M.: Nauka, 1969.

3. Bubrih D.V. Istoricheskaja grammatika jerzjanskogo jazyka. Saransk, 1953.

4. Verner G.K. K tipologicheskoj harakteristike roditel'nogo padezha // Struktura paleoaziatskih i samodijskih jazykov. Tomsk, 1984. S. 12–19.

5. Sanzheev G.D. Grammatika kalmyckogo jazyka. Fonetika. Morfologija // Jelista: Kalmyckoe kn. izd-vo. 1983.

6. Kas'janenko 3.K. O dvojnom sklonenii v mongol'skom jazyke // Filologija stran Vostoka. L., 1963. S. 35–40.

7. Krasnoshhjokov E.V. Sredstva vyrazhenija prinadlezhnosti v ketskom jazyke // Sbornik nauchnyh trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konf. Tomsk, 2006. S. 73–79.

8. Krasnoshhjokov E.V. Vyrazhenie pritjazhatel'nosti v enisejskih jazykah s pomoshh'ju padezhej. Kazan', 2011. S. 236–238.

9. Krasnoshhekov E.V. Vyrazhenie pritjazhatel'nyh otnoshenij v finno-ugorskih jazykah s pomoshh'ju porjadka slov // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii TTI JuFU. Taganrog, 2012. S. 140–145.

10. Savchenko A.N. Jergativnaja konstrukcija predlozhenija v praindoevropejskom jazyke // Jergativnaja konstrukcija predlozhenija v jazykah razlichnyh tipov. L.: Nauka, 1967. S. 74–90.

11. Sanzheev G.D. Sravnitel'naja grammatika mongol'skih jazykov. T. 1. M., 1953.

12. Serebrjannikov B.A. Istoricheskaja morfologija mordovskih jazykov. M.: Nauka, 1967.

13. Sunik O.P. Sushhestvitel'nye v tunguso-man'chzhurskih jazykah. L.: Nauka, 1982.

14. Todaeva B.H. Grammatika sovremennogo mongol'skogo jazyka. M., 1951.

15. Todaeva B.H. Dunsjanskij jazyk. M.: Izd-vo vost. lit., 1961.

16. Todaeva B.H. Baoan'skij jazyk. M.: Nauka, 1964.

Considering the issue of double cases in the languages of various systems

There is analyzed the double declension of the languages of various systems. Some cases of simple declension take additional affixes of other cases, and the word form of a noun get two case endings. Such a picture may be found in the Mongolian languages, the Yenisei languages of Siberia and in the languages of the Chukchi and Kamchatka group. The research indicated that double cases were used to express the possessive relations.

Key words: *category of possessiveness, double cases, double declension, genitive case, possessiveness relations.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Л.Е. СОЛЯНКИНА
А.В. БОРОВКОВ
(Волгоград)

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАСТНИКОВ БИЗНЕС-ПЕРЕГОВОРОВ

Рассматриваются основные психологические аспекты межкультурной компетенции участников бизнес-переговоров, анализируются ее структурные компоненты, особое внимание уделено детерминантам. Исследованы различные подходы по вопросу психологической детерминации развития межкультурной компетенции.

Ключевые слова: *межкультурные компетенции, бизнес-переговоры, развитие, детерминация, акмеология.*

В ходе современного процесса глобализации экономики нашей страны и укрепления предпринимательской деятельности открываются новые перспективы расширения

© Солянкина Л.Е., Боровков А.В., 2015